

На правах рукописи

Ольховиков Григорий Константинович

**ФОРМАЛЬНО-РИГОРИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТЕОРИИ
ПРАКТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

09.00.01 – онтология и теория познания

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург

2003

Работа выполнена на кафедре онтологии и теории познания
Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Научный руководитель – доктор философских наук,
профессор В.О. Лобовиков.

Официальные оппоненты:
доктор философских наук, профессор Г.В. Сорина,
кандидат философских наук С.Ю. Уколов.

Ведущая организация – Уральский юридический институт
МВД России.

Защита состоится «__»_____2003 г. в час. на заседании
диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора философских наук в Уральском
государственном университете им. А.М. Горького (620083 г.
Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «__»_____2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор Л.А. Шумихина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется значительным ростом объемов и качественного многообразия видов и способов производства и активного использования знаний в условиях современного общества. Новоевропейская наука и связанные с ней философия науки и гносеология оставили современным исследователям совокупность ключевых концепций и методов работы с информацией, обеспечивших успешное развитие технологий обращения со знанием фактическим, описательным, или, используя несколько анахроничное выражение, со знанием о внешнем мире. Именно на основе этих методов были, на протяжении второй трети XX века, подготовлены блестящие достижения в области инженерии теоретических знаний, осуществленные в рамках междисциплинарной исследовательской программы «искусственный интеллект». Между тем, поскольку речь идет не о знании как достаточном основании разумных рассуждений и советов, но о знании как достаточном основании разумных действий, ситуация оставалась и продолжает оставаться сложной. В то же время, именно в этой сфере, а не в сфере научных теорий, неспособность людей и сообществ к разумным и взвешенным решениям, принимающая все более угрожающие размеры в условиях нарастающего многообразия и объема знаний, относящихся к «разумности действия» (головокружительный правовой, религиозный, нравственный, политический плюрализм, характеризующий глобальный миропорядок), дала наиболее популярный и существенный повод к разговорам о «закате рационализма».

Мы разделяем мнение Аристотеля о том, что связанная с разумностью поведения совокупность знаний, называемая в настоящей работе практическим знанием, принципиально отлична от всякого возможного истинного описания фактов (положений дел), индивидуализированного или обобщенного, классического или неклассического, статического или динамического. Это значит, что большинство технологий работы со знанием, составивших когнитивную специфику новоевропейского стиля и образа мышления, к этому знанию неприменимо. Это значит, далее, что вся работа по созданию, отладке и обоснованию оптимальных и высокоразвитых алгоритмов работы с этим знанием, составляющая

предмет того подраздела исследований по искусственному интеллекту, который более всего заслуживает названия инженерии практических знаний, - вся эта работа должна быть выполнена «с нуля» и на принципиально иных основаниях, чем те, на которых ее пытались утвердить. Настоящая работа была выполнена автором в надежде сделать один из необходимых шагов к прояснению философских предпосылок и оснований той инженерии практических знаний, которая востребована современным уровнем общественного развития.

Степень разработанности проблемы. В силу насущной необходимости в изучении общих аспектов практического знания в любой социальной ситуации (которая была лишь обострена, но не изобретена в современном обществе), с разработкой тех или иных аспектов данной темы мы встречаемся почти на всем протяжении истории философии. В контексте настоящего исследования основополагающее значение имеют работы классических мыслителей античности (Сократ ранних платоновских диалогов, Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека), средневековья (П. Абеляр, Фома Аквинский, У. Оккам) и Нового Времени (Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц, Х. Вольф, Д. Юм, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель). В XX в. наиболее важный вклад в прояснение общего когнитивного своеобразия практического знания был сделан в работах зарубежных исследователей позднего Л. Витгенштейна, П. Гича, А. Данто, У. Джемса, Дж. Дьюи, Ф. Кларка, Т. Котарбиньского, А. Макинтайра, Н. Малкольма, Дж.Э. Мура, Э. Нагеля, Л. Оквиста, К.Р. Поппера, Г. Райла, А. Райнаха, Б. Рассела, Дж. Ролза, Ю. Хабермаса, М. Шелера, Г.Е.М. Энскомб, и отечественных авторов Г.В. Болдыгина, В.Ю. Васечко, А.А. Ивина, Ю.В. Ивлева, В.О. Лобовикова, И.Я. Лойфмана, Д.В. Пивоварова, Г.В. Сориной, Г.Л. Тульчинского. Еще более важными с точки зрения предпринятого исследования представляются работы, в которых предпринимаются попытки проанализировать своеобразие практического знания в качестве своеобразия *структуры*, зачастую посредством построения некоторого варианта теории практического вывода. Классические образцы такого анализа содержатся в исследованиях Р. Бинкли, Г.Х. фон Вригта, А.Т. Ишмуратова, Х.-Н. Кастанеда, А. Кенни, В.А. Лефевра, В.О. Лобовикова, Б. Оун, У. Селларса, Г.Е.М. Энскомб. Начиная с XIX века, в рамках социальных исследований предпринимаются попытки описать социально

воспроизводимое практическое знание в качестве факта, характеризующего изучаемое сообщество, и обосновать такое описание с философской и общенаучной точки зрения результатом чего становится построение так называемых теорий социального действия и мотиваций. В этом направлении особенно плодотворными оказались усилия зарубежных ученых и философов П. Бергера, П. Бурдьё, М. Вебера, Э. Гидденса, Р. Жирара, Ч.Х. Кули, Т. Лукмана, О. Моргенштерна, Дж. фон Неймана, В. Парето, Т. Парсонса, Г. Тарда, М. Фуко, А. Шюца. В том же направлении, но с бóльшим вниманием к философским импликациям социальных теорий, были направлены усилия отечественных исследователей Э.В. Ильенкова, Л.Г. Ионина, В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова, Л.Н. Когана, А.И. Лучанкина, М.К. Мамардашвили, Г.В. Осипова, М.Н. Руткевича, Е.Г. Трубиной. Непосредственную связь с предлагаемыми в исследовании построениями по теории навыка обнаруживают логико-динамические концепции Б. Бук-Пентер, Р. Гольдблатта, В. Ранталы, К. Сегерберга, Д. Харела, и отечественных авторов А.Г. Кислова, М.А. Тайцлина, В.И. Шалака. Исследования в области прикладной инженерии знаний, направленные на осмысление максимально общих теоретических и философских основ этой дисциплины, проведенные за рубежом М. Минским, Н. Нильсоном, А. Ньюэллом, С. Пейпертом, П. Уинстоном, Р. Шенком и отечественными учеными М.Г. Гаазе-Раппопортом, Ф.М. Кулаковым, Г.А. Пospelовым, Д.С. Пospelовым, выявили важность и глубину философских проблем, возникающих в этой области, и явились одной из важнейших мотиваций замысла предлагаемого исследования. Не меньшим значением в этом отношении обладают попытки собственно философских интерпретаций состояния исследований в сфере искусственного интеллекта в рамках философской теории сознания, которые могут быть найдены в работах Д. Деннета, Х. Дрейфуса, С. Дрейфуса, Х. Патнема, С. Приста, Дж. Серла, Б. Смита, Дж. Фодора, Ч. Чихара. Все эти исследования, впрочем, имеют в виду философское рассмотрение сознания и интеллекта вообще, в то время как тематика диссертационного исследования ограничена рассмотрением лишь одного, хотя и обладающего большим значением, класса когнитивных феноменов, а именно, практического знания. Наконец, необходимым условием формирования общеметодологических взглядов автора, легших в основу

предлагаемого здесь подхода послужили труды и результаты А. Андерсона, А. Варзи, раннего Л. Витгенштейна, Г. Генцена, Д. Дэвидсона, У.В.О. Куайна, К. Маллигана, Б. Смита, П.Ф. Стросона, К. Твардовского, Б. ван Фраассена, Я. Хинтикки, и отечественных авторов В.О. Лобовикова, В.И. Плотникова, Н.В. Бряник, В.Л. Васюкова, Е.К. Войшвилло, А.А. Зиновьева, В.В. Кима, К.Н. Любутина, Н.Н. Непейвода, А.В. Родина, В.А. Смирнова, Е.Д. Смирновой.

При всем разнообразии подходов и трактовок проблем, связанных с темой диссертационного исследования, автору неизвестны работы, в которых структурное философское истолкование специфики практического знания непосредственно имело бы в виду задачи философского обоснования методов соответствующих разделов прикладной инженерии знаний.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является общее обоснование значимости, правомерности и плодотворности формально-ригористического подхода ко всей совокупности проблем практического знания, как на философском уровне, так и в рамках решения инженерно-прикладных задач. В рамках настоящего исследования данная цель достигается посредством решения следующих исследовательских задач:

- Проанализировать структуру и историко-философские корни сложившихся к моменту проведения исследования философских проблем и вопросов относительно практического знания.
- Рассмотреть методологические основания применения формальных методов исследования в рамках современной теории знания и определить перспективы их применения в исследовании структуры практических знаний.
- Выявить эвристический потенциал предложенных методов работы с практическим знанием, посредством выработки системы определений некоторых ключевых понятий теории практического знания.
- Выявить когнитивную специфику отношений практических знаний с диспозитивными аспектами ментальных состояний и фактами сознательного поведения носителя знания.
- Исследовать внутреннюю структуру достижимых и достигнутых агентом способностей к предметному преобразованию окружающей

среды, в качестве изначального «адресата» имеющихся в данной системе практических знаний.

- Определить специфику ригористического подхода к управлению практическими знаниями; выявить и описать исходные когнитивные элементы индивидуальной ригористической рассудительности.

- Систематически рассмотреть философские основания построения теории индивидуальных ригористических диспозиций в качестве частичной версии общей структурной теории практических знаний.

- Соотнести основные выводы, полученные в результате решения предыдущей задачи с классическими построениями в области философской теории практических знаний.

Теоретическая и методологическая основа диссертационного исследования образована, в первую очередь, рядом общесемиотических концепций, восходящих к Ч.С. Пирсу и Л. Витгенштейну. При развертывании и методологическом обосновании основных положений философской теории индивидуального ригористического практического знания значительную роль играет абстрактное понятие формы (более общее, нежели понятие логической формы), восходящее к Платону и Аристотелю, в той его разработке, которую оно приобрело в XX веке в трудах Л. Витгенштейна, Г. Генцена, Б. Смита, К. Маллигана, В.О. Лобовикова и др. При обсуждении форм сложного индивидуального намерения важную роль играет метод анализа обыденного словоупотребления, разработанный в рамках аналитической философии. На всем протяжении диссертации используются разработанные в современной философии и гносеологии методы структурных исследований, а само исследование строится в значительной мере как исследование внутренней структуры практических знаний.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В рамках собственно философской теории проведенное исследование значимо, прежде всего, в качестве обоснования статуса практических знаний в качестве самостоятельного и своеобразного объекта гносеологического исследования, использование которого его носителями предполагает особый тип *нелогической рациональности*. Тем самым делается шаг в направлении обобщенной концепции рациональности, где рациональность рассматривается в качестве свойства присущего классу объектов, более широкому, нежели совокупность умозаключений. Результаты диссертационного

исследования значимы также в методологическом отношении: заданные здесь стратегии представления и проектирования систем практических знаний способны составить важную часть исследовательского арсенала таких дисциплин как социология, история, этика, религиоведение, правоведение, литературоведение, криминология и др. Полученные результаты могут быть плодотворно использованы в качестве эвристик специалистами в области искусственного интеллекта и прикладной инженерии знаний при решении таких задач, как понимание текстов и рассказов на естественном языке, конструкция экспертных систем в области вышеупомянутых социальных и гуманитарных дисциплин, симуляция структур «здорового смысла» и обыденной рассудительности в системах искусственного интеллекта.

Апробация диссертации. Основные идеи исследования представлены в ряде научных тезисов и статей. Концепция исследования обсуждалась на научных конференциях в Екатеринбурге (1999, 2000, 2001), г. Светлогорске Калининградской области (1999), Санкт-Петербурге (2000, 2002), Москве (2003), на заседаниях межвузовского теоретического семинара при кафедре онтологии и теории познания философского факультета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург, 2001), на заседании международного теоретического семинара при философском факультете Университета г. Хельсинки (Хельсинки, 2003). Основные идеи диссертации были частично использованы автором при чтении (совместно с К.В. Яковлевым) специального курса «Генезис права» в течение 1-го семестра 2002/2003 учебного года а также спецкурса «Разум и действие: введение в философию практического знания» в течение 1-го семестра 2003/2004 учебного года на философском факультете Уральского государственного университета. Диссертация обсуждалась на кафедре онтологии и теории познания Уральского государственного университета и была рекомендована к защите.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Содержание работы изложено на ____ страницах, список литературы включает ____ наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность исследования, определяется степень разработанности рассматриваемых проблем, формулируются цель и основные задачи диссертации, раскрывается теоретическая и методологическая основа исследования.

Глава первая «Историко-философские и методологические основания проблематики практического знания» посвящена предварительному анализу предмета формально-ригористической философской теории практического знания и общих принципов его исследования.

В первом параграфе «Феномен практического знания и европейская философия» рассматривается предмет философской теории практического знания в виде исторически сложившейся совокупности философских утверждений и вопросов относительно практического знания. В той или иной форме практические знания производятся (и воспроизводятся) в любом цивилизованном сообществе. Но в архаических традиционных сообществах не было выработано специфических форм для хранения и передачи таких знаний: древневосточная мудрость неспособна, по Гуссерлю, отделить теоретическую установку от практической – следовательно, она неспособна и очистить практическую установку от теоретических элементов. Неадекватность архаических форм воспроизводства и передачи практических знаний со всей очевидностью проявилась уже в позднеантичную эпоху, эпоху первых софистов и демагогов, поставивших общество перед необходимостью систематизации практических знаний, прежде всего, в сфере правовой и политической. Функцию такой систематизации выполняло, с одной стороны, классическое римское правоведение, а с другой стороны – греческая философия. В последнюю само различие знания практического и знания теоретического было введено Аристотелем: если теоретическое знание - о вечном и неизменном, то знание практическое – об изменчивом, но не о любом изменении, а о таком, которое носитель знания может реализовать свободно и сознательно. Этим практическое знание отличается от мнения, возможного относительно любого рода изменчивых явлений. Далее, будучи связано со свободным и сознательным, т.е. неслучайным действием

его носителя практическое знание приобретается лишь на *достаточном основании*, тогда как приобретение мнения является случайным. Наличие практического знания по определению предполагает присутствие в поведении его носителя определенных регулярностей в качестве *проявлений, соответствующих этому знанию*; но, кроме того, для практического знания всегда имеются и несоответствующие ему регулярности поведения, так что сама по себе регулярность действий агента не достаточна для предположения о его рассудительности. В Новое Время традиции философского исследования практического знания удерживаются главным образом в немецкой философии, и актуализируются в связи с «коперниканским переворотом» в философии, произведенным И. Кантом. Кант впервые ясно высказывает и систематически развивает положение о том, что специфика практического познания порождена не предметом, но способом или формой применения наших познавательных способностей и что, таким образом, гносеологическая дедукция исходных принципов морали, права и связанных с ними дисциплин не исчерпывает функций философской теории практического знания. Кант впервые обращается к проблеме выработки исчерпывающей классификации *форм* практического знания, основанной на ясных философских принципах; при этом Кант раскрывает возможность такого отношения содержания практического знания к его форме, при котором это содержание оказывается оправданным априори. Одной из важнейших проблем, поставленных на кантианском этапе развития философской теории практического знания, оказывается следующая: может ли механизм, с помощью которого практическое знание «вынуждает» свои поведенческие проявления рассматриваться как чисто когнитивный или такой механизм с необходимостью предполагает некоторых психических посредников некогнитивной природы (эмоции, чувство удовольствия)? Кант утверждал, вопреки мнению Д. Юма, что проявления практического знания, хотя и всегда сопровождаются эмоциями, но не всегда вынуждаются ими.

В XX в. философская теория практического знания получила существенное развитие в работах ряда учеников Л. Витгенштейна (Г.Х. фон Вригт, Г.Е.М. Энскомб). Для этого направления исследований характерна стратегия анализа форм практического знания через лингвистическую форму сообщений агентов о своих

практических знаниях и их проявлениях. На этом пути была открыта зависимость отношения фактов поведения и практических знаний от средств описания этих фактов, а также своеобразная открытость описаний реализаций практического знания («эффект аккордеона»). Большое значение имели и разработки *специализированных* языков описания реализаций практического знания, которые были призваны исправить недостатки естественных языковых описаний сознательного поведения. Эти разработки, в виде различных вариантов т.н. «теории практического вывода», столкнулись, однако, со следующей проблемой: являются ли универсальные взаимосвязи между практическими знаниями (например, в практическом выводе) фактическими, логическими или концептуальными связями нелогического характера? Поскольку почти все теории такого рода строились как варианты *логики* практического вывода, то наиболее популярным был второй вариант ответа на этот вопрос. Но в этом случае становилось неясным само понятие логического следования, которое уже не могло рассматриваться как отношение между истинностными значениями суждений. Г.Х. фон Вригт, как и автор диссертации, принимает третий вариант ответа, но в таком случае возникает необходимость показать, как возможны априорные концептуальные связи нелогического характера – задача, решение которой отсутствует в известных работах Г.Х. фон Вригта. Вторая «точка роста» теории практического знания в западной философии XX в. – «методологический бихевиоризм» Г. Райла, для которого характерно стремление свести проблемы практического знания к проблемам описания его поведенческих проявлений. Его исследования ставят следующую проблему: признаем ли мы практическое знание как нечто несводимое к его поведенческим проявлениям или как некую логическую фикцию, облегчающую работу с этими проявлениями? Эти исследования привели и к следующему важному позитивному результату: минимальной единицей *анализа* практического знания и, тем самым, *объяснения* фактов сознательного поведения служит *диспозиция к поступкам некоторого определенного типа*.

Таким образом, в области гносеологического исследования практического знания существует достаточно позитивных разработок и интересных проблем для того, чтобы рассматривать ее в качестве особого подраздела гносеологии. Но разбросанность отдельных

составных частей проблематики практического знания по различным философским школам и эпохам говорит об отсутствии единства методологической позиции в трактовке достигнутых результатов и даже согласия по вопросу о точном определении основных понятий этой теории.

Во втором параграфе «Теория практического знания как часть гносеологии» описывается общая методологическая позиция, лежащая в основании рассматриваемого в диссертации частичного варианта философской теории практического знания. Философская теория практического знания рассматривается здесь как часть гносеологии, понятой как теория знания (предмета) в противоположность теории познания (процесса). Знание является внутренним (интенциональным) предметом познавательного акта, специфика которого – в его полном («изоморфном») соответствии внешнему предмету познавательного акта. Поэтому первым методологическим принципом обращения с практическим знанием, принимаемым в диссертации, становится абстракция отождествления внутреннего и внешнего предметов познавательного акта. Для практического знания таким внешним предметом выступает разумная диспозиция к поведению.

Исследование в диссертации практических знаний как особого рода предметов предполагает повышенное внимание исследователя к следующим вопросам:

- Анализ практических знаний с точки зрения их *внутренней структуры* или *формы*. Предмет, используемый как практическое знание, может быть более или менее удачно организован для выполнения этих своих функций. Вид и мера такой организованности называются *практико-когнитивной формой* данного предмета. Эта мера соответствует диапазону возможных использований данного предмета в качестве практического знания. Практико-когнитивная форма знаний не совпадает с их логической формой: хотя в совокупности практико-когнитивных форм могут быть обнаружены структуры, изоморфные разного рода логическим исчислениям, «материально» логическая и практико-когнитивная формы ведут себя как дополнительные феномены, так что сложность практико-когнитивной формы для данного знания предполагает тривиальность формы логической и наоборот. Логическая форма не является единственно возможной формой знания и охватывает лишь часть из

его возможных применений. Она соответствует многообразию возможностей использования данного знания для создания правильных описаний и истинных утверждений. Осознание же, через практическое знание, собственных разумных диспозиций – нечто принципиально иное и даже исключающее возможность осуществления их описания как *извне* производимой процедуры. Поэтому логическая форма не есть единственно возможный для данного знания вид формальной определенности. Таким образом, последовательно проведенный предметный подход к знаниям возможен лишь как *формальное* их исследование. «Форма» и «формальные исследования» в диссертации рассматриваются в смысле, несколько более широком, чем общепринятый, и восходящем к аристотелевской концепции формы.

- Анализ многообразия правильных, (не увеличивающих совокупной меры упорядоченности) трансформаций данной системы практических знаний. Адекватный анализ внутренней структуры предмета всегда ведет к пониманию возможностей трансформации (улучшения, реконструкции или разрушения) этого предмета. Если анализ практико-когнитивной формы знаний продолжает некоторые из философских проектов Канта, то теория сохраняющих меру практико-когнитивной упорядоченности трансформаций практического знания может рассматриваться как основание для обобщения и систематизации теории практического вывода фон Вригта - Энскомб.

При представлении результатов исследования в диссертации использован метод жесткой лингвистической фиксации: в язык философской теории вводятся специализированные символы, диапазон использований которых полностью соответствует диапазону обозначаемых ими базисных элементов практического знания. Использование этого метода позволяет дополнить абстракцию отождествления внутреннего и внешнего объекта практико-когнитивного акта абстракцией отождествления этого объекта и соответствующей ему лингвистической единицы.

Во второй главе «Основные понятия философской теории практического знания» разрабатывается вариант единой системы определений базисных понятий философии практического знания, в качестве основы для единообразного истолкования упомянутых в первой главе основных проблем и принципов этой теории.

Основанием этой системы определений служит философски тривиальная онто-гносеологическая концептуальная схема, приемлемая в рамках любого из упомянутых в главе первой направлений в философии практического знания.

В первом параграфе «Концептуализация навыка как адресата практического знания» эта концептуальная схема характеризуется в качестве «онтологии трактата» (по названию известной работы Л. Витгенштейна). В рамках этой онтологии окружающая среда, т.е. мир, поскольку он вовлечен в деятельность носителя знаний (агента), а значит, согласно принятым абстракциям, и теоретическое знание агента об этой среде конструируется в виде пространства полных описаний ее возможных состояний (пространства ПОС). Важной чертой этой конструкции является конечность любого ПОС в рамках данного пространства и самого пространства ПОС, что соответствует не раз отмечавшейся философами и учеными избирательности деятельного разума.

Практическое знание, имея в виду сознательно преобразуемые агентом аспекты окружающей среды, предполагает, что агент способен уверенно изменять хотя бы некоторые из составляющих эту среду параметров, т.е. что он обладает некими умениями или навыками. В диссертации навык рассматривается как доведенная до автоматизма способность решать тот или иной вид проблем. Этот навык отличает от простого рефлекса лишь его связь с практическим знанием, поскольку его применение или неприменение выступает предметом разумного решения. Такого рода навыки названы в диссертации навыками-1, в отличие от навыков-2, которые не только разумно применяются, но и разумно контролируются при их выполнении. Навыки-2, как и собственно практические знания необходимо определяют себя в отношении навыка-1 и не могут быть рассмотрены в рамках «онтологии трактата», если эта онтология не позволяет нам описывать навыки-1, за которыми, поэтому, и закрепляется в диссертации термин «навык».

Множество мыслимых в рамках онтологии трактата навыков может быть отождествлено с множеством функциональных бинарных отношений на множестве ПОС. Конечно, этот путь введения навыков в онтологию трактата – не единственный, но с учетом возможных приложений теории практического знания он выглядит наиболее естественным. Принимаются соглашения о том, что (а) данное ПОС

не входит в левую часть ни одной из упорядоченных пар данного навыка, если и только если навык не может быть сознательно применен в случае истинности этого ПОС; (б) оба ПОС некоторой упорядоченной пары данного навыка совпадают, если и только если применение навыка в случае их истинности, позволяет полностью сохранить это состояние.

Отсюда следует, что любое множество навыков, мыслимых в данном пространстве ПОС, конечно; но оно является, в большинстве интересных случаев, практически необозримым. Автор рассматривает несколько стратегий, позволяющих представить множество мыслимых в рамках данного пространства ПОС навыков более компактно. Во-первых, предложенное представление навыка изоморфно структурам программы в динамической логике, так что изучаемые здесь операции над программами могут рассматриваться как операции синтеза сложных навыков из более простых. Во-вторых, множество мыслимых навыков может быть тривиально упорядочено с помощью отношения нестрогого теоретико-множественного включения; будучи замкнутым по операции пересечения, это множество образует с данной операцией, относительно указанного частичного порядка, нижнюю полурешетку с нулем. Наконец, разумно перейти в рассмотрении от множества мыслимых навыков сначала к множеству достижимых, а затем и к множеству реально достигнутых агентом навыков. Этот переход сужает область рассмотрения, но и затрудняет применение двух указанных стратегий, т.к. ни множество достигнутых навыков, ни множество принципиально достижимых навыков не обязательно замкнуты по операциям синтеза программ и операции пересечения. Ограничение замкнутости множества достигнутых навыков по операции пересечения обнаруживает интересную связь с деятельностными стереотипами, определяемыми «формой жизни» агента: в зависимости от тех или иных (культурно-исторических) условий приобретения навыка, присущий его исполнению автоматизм может быть утерян при переходе к более узкому навыку. Связанная с этим ограничением проблема названа в диссертации «проблемой делимости навыка».

Во втором параграфе «Ригористическая рассудительность: элементарные структуры» рассматриваются следующие основные вопросы: (1) Конструкция элементарных форм практического знания

в рамках «онтологии трактата»; (2) Структурные ограничения, накладываемые на формальную конструкцию множества навыков его связями с практическим знанием; (3) Специфика ригористического подхода к практическому знанию.

Наиболее значительные результаты рассмотрения этих проблем таковы. (1) Применение навыка в данном ПОС находится в связи с практическим знанием поскольку оно может быть обосновано в качестве рассудительного. Такое обоснование может возникать в силу того, что это применение является частью более масштабных практико-когнитивных структур. Но оправдание разумности любого намерения ссылкой на некоторое более масштабное намерение уводит цепь обоснований в бесконечность. Поэтому в некоторых случаях само пребывание агента в данной ситуации может служить достаточным основанием применения некоторого его навыка. Совокупность обоснований, непосредственно соотносящих состояния окружающей среды с директивами применения тех или иных навыков называется рассудительной конституцией (р.к.) данного агента. Р.к. есть совокупность наиболее элементарных практических знаний агента. В рамках «онтологии трактата» р.к. определяется как функция из множества ПОС в множество-степень множества навыков агента, удовлетворяющая следующим условиям: (а) любой элемент образа данного ПОС обязан содержать хотя бы одну упорядоченную пару, левым элементом которой является это ПОС и, (б) если некоторый навык A есть элемент образа ПОС P по данной р.к. и пересечение навыка A с навыком B включает хотя бы одну пару, левым элементом которой является P , то B также является элементом образа P по данной р.к. (2) Поскольку множество достигнутых агентом навыков выступает в качестве области значений р.к., между элементами этого множества возникают особые отношения. Так, некоторые из навыков могут стать «избыточными», поскольку их функции полностью или частично дублируются функциями других навыков. Далее, отдельные элементы в рамках данного множества навыков могут вступать в практико-когнитивные коллизии, например, в тех случаях, когда применение одного из навыков так изменяет окружающую среду, что становится невозможным разумное применение некоторого другого навыка. По определению: (А) навык A минимально рекомендуем в данной р.к., если и только если имеется ПОС P , такое что образ P по данной р.к. включает A , но не включает ни одного подмножества A ,

(В) множество навыков вполне структурировано в рамках данной р.к., если и только если ни один из минимально рекомендуемых в рамках данной р.к. навыков не является подмножеством никакого другого минимально рекомендуемого в рамках данной р.к. навыка, (С) множество навыков деятельностно связно относительно данной р.к., если и только если для любого его элемента A и любого ПОС P , если существует такой навык B из данного множества, что P есть правый элемент одной из его упорядоченных пар, то P есть левый элемент одной из упорядоченных пар в A . Дальнейшие теоретические конструкции в рамках диссертации имеют в виду лишь такие р.к., которые основаны на вполне структурированных, деятельностно связных множествах навыков, все элементы которых являются минимально рекомендуемыми. В диссертации показано, что множества навыков, на которых основаны такие р.к. не содержат практико-когнитивных коллизий и навыков с дублируемыми функциями. (3) Все рассматриваемые в диссертации р.к. являются также *ригористическими*. Р.к. является ригористической в отношении выступающего ее основанием множества навыков, если и только если достижения агентом навыка необходимо и достаточно для его вхождения в это множество. Р.к. является ригористической, если и только если данная р.к. является ригористической в отношении выступающего ее основанием множества навыков и отсутствие навыка A в образе ПОС P по данной р.к. является необходимым и достаточным условием антирекомендации в отношении применения A в P .

В третьей главе «Инженерия индивидуальных практических знаний: философские аспекты ригористических концептуализаций» рассматриваются философская теория индивидуальных практических знаний, т.е. знаний о единичной р.к., не зависящих от ее возможных соотношений с другими р.к. Имеется в виду синхроническая, а не диахроническая независимость: хотя структура данной р.к. может быть связана генетическими отношениями с иными р.к., соответствующее практическое знание будет индивидуальным, если оно может использоваться без ссылок на эти отношения. Индивидуальное практическое знание не есть обязательно знание о разумных намерениях индивида как отдельной человеческой особи: некоторые формы знания об общественных диспозициях также могут быть отнесены к индивидуальному практическому знанию. И не

всякое практическое знание индивида является индивидуальным. Так, индивид обычно имеет представление об эволюции его практических знаний, но это представление предполагает сопоставление более чем одной р.к. и не относится к индивидуальным практическим знаниям в описанном смысле. Поэтому в рамках теории индивидуального практического знания агент рассматривается лишь как носитель р.к. Таким образом, теория индивидуальных практических знаний является крайне примитивным и принципиально неполным вариантом теории практических знаний. Но для целей диссертации эта теория подходит почти идеально, поскольку (а) решаемые здесь вопросы так или иначе необходимо решать и в рамках любой более сложной версии теории практических знаний, (б) уже в рамках этой теории могут быть рассмотрены все вопросы теории практического знания, поставленные в первой главе. Постановка и решение вопросов происходит здесь в рамках единой системы определений основных понятий и методологических предпосылок, так что успех в построении данной теории будет, прежде всего, доказательством внутреннего единства проблемного поля философской теории практического знания и плодотворности формально-ригористического подхода к нему.

В первом параграфе «Атомарные диспозиции: средства структурного анализа и представления» ригористическая р.к. анализируется в качестве упорядоченной совокупности атомарных диспозиций. Атомарная диспозиция, состоящая в разумном намерении реализовать навык A в ПОС P , рассматривается как наименьшая «единица намерения». Агент обладает данной атомарной диспозицией, если и только если A есть элемент образа P по данной р.к. Ригористическая р.к. может быть отождествлена с совокупностью записей атомарных диспозиций агента в некоторой «базе знаний». Но поиск в такой базе, в силу ее обширности, может оказаться крайне трудоемким. Кроме того, есть основания усомниться в том, что р.к. является просто некоторым списком. Реалистичнее предположение о наличии в рамках р.к. сложно упорядоченных структур диспозиций. В диссертации рассмотрены разные варианты такого упорядочения с применением матрично-векторного формализма. В качестве наиболее удачного варианта принимается следующий: навыки агента нумеруются в произвольном порядке, выбирается множество всех полных описаний состояния окружающей среды, таких что имеется

навык A , такой что данное ПОС является правым элементом некоторого элемента A . Любое такое ПОС, в силу этого, соотнесено с усилиями агента по изменению окружающей среды. В силу деятельностной связности множества навыков, в любом таком ПОС агент может разумно применить любой из своих навыков. Таким образом, это множество объединяет в точности те ПОС, в которых агент обладает наибольшей возможной для него свободой и контролем над окружающей средой. Эти ПОС соответствуют строкам т.н. основной матрицы рассудительности: i -й элемент в строке есть 0 или 1 в зависимости от того, обладает ли агент диспозицией к реализации i -го навыка в данном состоянии окружающей среды. ПОС, не вошедшим в основную матрицу соответствуют векторы, координаты которых соответствуют сознательно реализуемым в этих состояниях навыкам агента, взятым в порядке возрастания их номеров; их значения определяются так же, как и в основной матрице. Эти ПОС предполагают некоторое стеснение свободы действий агента; их наступление происходит независимо от его усилий.

Во втором параграфе «Формы сложного индивидуального намерения: основания философской классификации» рассматривается общая структура индивидуального ригористического практического знания, и определяются перспективы применения полученных результатов к решению некоторых из отмеченных в главе первой проблем. Даже на уровне индивидуального знания агент не в состоянии обойтись лишь атомарными диспозициями. Поскольку он интегрирует свои намерения в единую картину его действий в окружающей среде, неизбежно возникают интенции, управляющие такой интеграцией, и имеющие более сложную форму, чем атомарные диспозиции. Но и эти управляющие диспозиции должны быть гармонизированы в своем применении, как между собой, так и с управляемыми ими более простыми диспозициями, так что структура интенций агента приобретает все новые и новые уровни сложности *ad infinitum*. В этом случае невозможно одновременное *осознание* всех этих интенций, но, поскольку все они влияют на разумное поведение, можно говорить о некоем их деятельном «достижении» агентом. Структура сложного намерения, гармонизирующего приобретение и реализацию намерений D_1, \dots, D_N зависит, очевидно, лишь от самих

гармонизируемых намерений и способа их гармонизации («типа сложного намерения»). В диссертации рассмотрены следующие типы сложных намерений: линия поведения, воздержание, исключаящий выбор, неисключаящий выбор и условная диспозиция. Обосновывается положение о том, что достижение любой диспозиции, принадлежащей к одному из этих типов, есть функция достижения гармонизируемых ей диспозиций. Т.к. правильно построенная запись индивидуальной диспозиции включает лишь указатели атомарных диспозиций и указатели типов сложных диспозиций, ее достижение зависит лишь от распределения достижений по множеству упоминаемых в ней атомарных диспозиций. Число всевозможных распределений такого рода конечно, и все они могут быть выписаны в виде строк специальной таблицы, в каждой из которых будет указано, достигнута ли данная сложная диспозиция для данного распределения достижений по ее атомарным компонентам. Такая таблица является наиболее мощным из доступных в рамках рассматриваемого варианта теории практических знаний средством анализа сложных диспозиций, так что любые диспозиции с идентичными таблицами достижимости отождествляются. Это позволяет обосновать рассмотренное множество типов сложных диспозиций в качестве «полного» списка форм индивидуального воления в том смысле, что для любой возможной таблицы достижимости найдется обладающая этой таблицей диспозиция, в запись которой входят лишь атомарные диспозиции и указатели рассмотренных в диссертации типов сложных диспозиций.

В рамках ригористической теории индивидуальных практических знаний априорным статусом обладают те, и только те диспозиции, которые достигаются агентом при любом распределении достижений по входящим в них атомарным диспозициям. Отсюда не следует, что они достигаются любым агентом, так как фигурирующие в них навыки могут не быть достигнутыми данным агентом. Однако в основе таких «априорных законов индивидуального ригористического воления» лежит и некая общая структура, которая может рассматриваться независимо от конкретного множества достигнутых навыков и пространства ПОС. Далее, если при любом распределении достижений по атомарным диспозициям, входящим в

диспозиции D_1, \dots, D_N , D достижения D_1, \dots, D_N достаточно для достижения D , то D является практическим выводом из D_1, \dots, D_N .

В третьем параграфе «Индивидуальные ригористические диспозиции и факты сознательного поведения: возможные соотношения и необходимые связи» рассматриваются формальные условия перехода от индивидуальных ригористических диспозиций к выражающим их фактам сознательного поведения.

Для реально действующего агента диспозиция служит, прежде всего, указателем на множество соответствующих ей фактов поведения. Но отождествление диспозиции, в духе бихевиоризма, с множеством соответствующих ей фактов поведения не удастся - агенты с идентичными диспозициями могут вести себя различным образом. Эта разница определена различием не в диспозициях, но в схеме поиска поведенческих соответствий для этих диспозиций. Внутренняя структура системы диспозиций должна быть при этом поиске сохранена, но чаще всего она может быть сохранена разными способами. Выделяются два стиля поиска поведенческих соответствий для данной системы диспозиций: холистический и аналитический. Холистический поиск действует по принципу «все или ничего», начиная, при любом существенном изменении данной системы диспозиций, всю процедуру поиска заново. При аналитическом поиске поведенческие соответствия сначала находят для более или менее крупных частей системы диспозиций, из которых множество поведенческих соответствий для всей системы получается путем некоторого заранее определенного типа комбинации. Автор рассматривает по одному примеру схемы поиска каждого из этих основных стилей применительно к системе индивидуальных ригористических диспозиций, описанной в предыдущем параграфе. Эти примеры обладают следующими основными свойствами:

- 1) Существуют такие структуры фактов сознательного поведения, которые не выполняют никакую систему диспозиций (в том числе и ни один из априорных законов индивидуального воления, так что эти законы не являются законами *фактического поведения*);
- 2) Существуют такие системы индивидуальных ригористических диспозиций, которым не соответствуют никакие возможные факты сознательного поведения (т.е. некоторые намерения являются

противоречивыми, в том смысле, что их невозможно реализовать *в принципе*);

3) Если некоторые факты сознательного поведения соответствуют хотя бы одной системе индивидуальных ригористических диспозиций, то эти факты соответствуют и всем априорным законам индивидуального ригористического воления.

4) Если некоторые факты сознательного поведения соответствуют системе диспозиций D_1, \dots, D_N и D есть практический вывод из D_1, \dots, D_N , то эти факты соответствуют также и D .

В случае аналитического поиска соответствий свойства 3) и 4) ограничиваются областью таких фактов сознательного поведения, которые для каждой входящей в диспозиции данной системы атомарной диспозиции выполняют саму атомарную диспозицию или воздержание от нее.

Поскольку системы диспозиций вместе со схемой поиска поведенческих соответствий достаточно для порождения всего множества соответствующих им фактов сознательного поведения, можно утверждать, что связь между поведением и практическим знанием может быть понята без некогнитивных посредников. Действительно, схема поиска поведенческих соответствий, хотя и не является частью практических знаний агента, может быть описана априори, что невозможно в отношении эмоций и прочих психофизических механизмов, имеющих сугубо эмпирический характер.

В заключении подводятся основные итоги исследования, раскрывается его научное значение и научная новизна, определяются перспективы развития исследований по данной теме.

Теоретическая новизна исследования определяется следующими основными его чертами:

А) Рассмотрение всей совокупности проблем философии практического знания с точки зрения систематического выявления на понятийном уровне внутренней, нелогической формы (структуры) использования последнего.

В) Конструкция, на основании философски тривиальных принципов, единой системы философских категорий, связанных с практическим знанием.

С) Построение общей теории индивидуальных ригористических практических знаний, в качестве философского основания решения инженерных задач в этой области.

Д) Систематическое рассмотрение и анализ отношений между практическим знанием и сознательным поведением с помощью категории абстрактной схемы поиска поведенческих соответствий.

Осуществление данных теоретических новаций приводит исследование к следующим, выносимым на защиту, заключениям:

- Рассмотрение с некоторой единой точки зрения множества проблем, связанных в европейской философии с понятием практического знания может и должно составить задачу особого раздела предметно ориентированной гносеологии, который может быть назван философской теорией практического знания.

- Важнейшей предпосылкой этой теории является осуществление строгого (изоморфного) соответствия между структурами практического знания, языка теории и диспозиций агента, в качестве объекта, которому адекватно практическое знание, но иначе, нежели этим диспозициям адекватно их правильное описание.

- Язык теории может быть построен в качестве некоторого варианта нелогического формализма, в том смысле, что семантическая категория любого символа теории однозначно задает диапазон его возможных использований для выражения диспозиций агента.

- «Адресатом» диспозиций-практических-знаний агента является реализация навыка в некоторой ситуации.

- Множество мыслимых навыков агента может быть отождествлено с множеством всевозможных функциональных множеств упорядоченных пар полных описаний состояния окружающей среды.

- Базисная структура практических знаний агента образована диспозициями, в которых реализация единичного навыка соотносится непосредственно с состоянием окружающей среды.

- Рассматриваются в деталях лишь те совокупности практических знаний, в которые не включено упоминания о вероятной множественности действующих агентов и базисная структура которых удовлетворяет следующим условиям: (1) рассмотрение навыка в качестве возможного адресата диспозиций

происходит тогда и только тогда, когда этот навык действительно достигнут агентом; (2) множество навыков-адресатов практико-когнитивных диспозиций является деятельностно связным и вполне структурированным; (3) множество элементов базисной структуры удовлетворяет критериям минимальности, сознательной реализуемости и обобщенному критерию монотонности; (4) отсутствие диспозиции к реализации навыка в данной ситуации рассматривается агентом как сигнал к активному избеганию такой реализации. В рамках такого рода знаниевых систем, главным и единственным основанием усложнения элементов практического знания (диспозиций) является необходимость интеграции ряда ранее достигнутых или недостигнутых более простых диспозиций в некий единый образ намерений агента.

- В качестве основания философской классификации форм сложного индивидуального намерения предлагается тип взаимосвязи достижения данного сложного намерения с достижением или недостижением гармонизируемых ей более простых диспозиций, легко и компактно представимый в табличной форме.

- Может быть выявлен и однозначно описан класс намерений, достигаемых любым действующим в рамках принятых ограничений агентом вне зависимости от частного характера его воления. Этот класс следует считать однозначным описанием множества априорных законов конструкции индивидуального ригористического намерения.

- Может быть выявлен и однозначно описан класс интенционально общезначимых связей между достижением определенных с точки зрения их формы диспозиций, соответствующий множеству допустимых в рамках индивидуального ригористического сознания практических выводов.

- Связь между практическим знанием и сознательным поведением, не будучи однозначной, может быть описана как чисто когнитивная связь, опосредуемая схемой поиска поведенческих соответствий.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Математическая трактовка правосудности у Аристотеля и современная формальная этика //XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса: В 4 т. - Екатеринбург, 1999. - Т. 3:

- Философская антропология и философия культуры. Ч. 1. - С. 236–237.
2. «Метафизика нравов» Канта и многообразие личностных моральных позиций //Материалы VIII Международных Кантовских чтений, посвященных 275-летию Иммануила Канта. - Калининград, 1999. - С. 76–78.
 3. О философском и методологическом значении логики науки //Молодая мысль на пороге нового века. - Екатеринбург, 2000. - Часть 1. - С. 149–151.
 4. Истины логики и структура эмпирической реальности: к истории проблемы //Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Материалы VI Общероссийской научной конференции. - СПб., 2000. - С. 80–82.
 5. О ценностной невозможности гуманизма по отношению к лицам, отбывшим наказание в местах лишения свободы //Проблема нового гуманизма в мировом и российском контекстах. - Екатеринбург, 2001. - Т. 1: Политика и право на пути к новому гуманизму. Социальная ответственность и гуманистическая роль бизнеса. - С. 88–90.
 6. «Логика эпистемологического анархизма» и проблемы формальной экспликации условных предложений //Современная философия в поисках сущностей и смыслов. - Екатеринбург, 2001. - С. 56–58.
 7. О логике эпистемологического анархизма //Онтология возможных миров и структуры повседневности. - СПб., 2001. - С. 83–85.
 8. Ценностный аспект нормотворчества //Эпистемы-2: Материалы межвуз. семинара: Альманах. - Екатеринбург, 2001. - С. 119–135.
 9. Об одной новой трехзначной паранепротиворечивой логике //Логика толерантности и права. - Екатеринбург, 2002. - С. 96–113.
 10. О возможности прагматистской интерпретации первопорядковой логики //Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Материалы VII Общероссийской научной конференции. - СПб., 2002. - С. 259–262.

11. Формализм теории практического знания и современная логика //Смирновские чтения. 4 Международная конференция. - М., 2003. - С. 169–171.

Подписано в печать .2003. Формат 60 x 84 1 /16.

Бумага типографская. Усл. печ. л. 1,0.

Тираж 100 экз. Заказ № _____. Печать офсетная.

Уральский государственный университет. 620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ.